

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://so1ogubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила.
А.С. Пушкин

I

– Прекрасный Юноша, о чем ты задумался так глубоко? – спросила Старуха, у которой Юноша снимал комнату. Она тихо вошла вечером в его полутемную комнату и, еле слышно шелестя по крашенному буро-красною краскою неровному полу мягкими туфлями, приблизилась к Юноше и стала у его плеча. Он вздрогнул от неожиданности – уже с полчаса стоял он у единственного окна своего тесного покойчика в верхнем жилье старого дома и, не отрываясь, смотрел на открывающийся перед ним прекрасный Сад, где цвело множество растений, благоухающих нежно, сладко и странно. Отвечая Старухе, Юноша сказал:

– Нет, Старая, я ни о чем не думаю. Я стою, смотрю и жду. Старуха укоризненно покачала седою головою, и узлы ее темного платка закачались как два остро поднятые кверху, настороженные уха. Ее морщинистое лицо, более желтое и сухое, чем у других старых женщин, живших на той же улице, на окраине громадного Старого Города, выражало теперь озабоченность и тревогу. Старуха молвила тихо и печально:

– Жаль мне тебя, милый Юноша.

Голос ее, хотя уже и старчески хриплый, звучал такую печалью, таким искренним состраданием, и ее уже бесцветные от старости глаза глядели так скорбно, что Юноше в полумраке его покоя вдруг на одно короткое мгновение показалось, что эти внешние признаки старости – только удачно надетая личина и что за нею скрывается молодая, прекрасная Жена, еще недавно только испытывавшая пронзавшую сердце скорбь Матери, оплакавшей погибшего Сына.

Но прошло это странное мгновение, и Юноша улыбнулся своей чудной мечте. Он спросил:

– Почему тебе жаль меня, Старая?

Старуха стала рядом с ним, посмотрела в окно на Сад, прекрасный и цветущий, и весь ослепленный лучами заходящего солнца, и сказала:

– Мне жаль тебя, милый Юноша, потому что я знаю, куда ты смотришь и чего ты ждешь. Мне жаль тебя и твоей матери.

Может быть, от этих слов, а может быть от чего-нибудь иного что-то изменилось в настроении Юноши. Сад, цветущий и благоухающий за высоким забором под его окном, вдруг показался ему почему-то странным, и темное чувство, похожее на внезапный страх, жутким замиранием остановилось у его сердца, точно рожденное пряными и томными ароматами, исходящими от ярких внизу цветов.

«Что же это?» – подумал Юноша в недоумении.

Он не захотел поддаваться томному очарованию вечерней тоски, сделал над собою усилие, улыбнулся, быстрым движением сильной руки откинул с высокого лба прядь черных волос и спросил:

– Что же нехорошего в том, на что я смотрю и чего я жду? И почему ты знаешь, чего я жду?

И в эту минуту он был веселый, смелый, прекрасный, и черные глаза его пылали, и румяные щеки его рдели, и алые, яркие губы его казались сейчас только поцелованными, и из-за них сверкали крепкие, белые зубы, веселые, злые.

Старуха говорила:

– Милый Юноша, ты смотришь на Сад и не знаешь, что это – злой Сад. Ты ожидаешь Красавицу и не знаешь, что красота ее пагубна. Два года прожил ты в моей комнате и ни разу не засматривался так, как сегодня. Видно, и твой черед настал. Пока еще не поздно, отойди от окна, не дыши дыханием коварных цветов и не жди, чтобы под окно твое пришла чаровать Красавица. Она придет, она зачарует, и ты пойдешь за нею, куда не хочешь.

Говоря так, Старуха зажгла две свечи на столе, где лежали книги, захлопнула окно и задернула у окна занавеску. С легким скрежетом провлеклись по медному пруту кольца, заколыхалось и опять спокойно легло желтое полотно занавески – и в комнате стало весело, уютно и спокойно. И казалось, что нет за окном Сада и нет в мире очарований, и все просто, обычно, установлено раз навсегда.

– А и правда, – сказала Юноша, – я никогда не обращал внимания на этот Сад и сегодня только в первый раз увидел Красавицу.

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб sologubfyodor.ru

– Уже увидел, – печально сказала Старуха. – Уже упало в твою душу злое семя очарования.

А Юноша говорил не то Старухе, не то рассуждая сам с собою:

– Да раньше и некогда было. Днем на лекциях в университете, вечером – за книгами и с веселыми товарищами и милыми девушками на вечеринке или в театре, где-нибудь на галерке, а то так и в партере по студенческой контрамарке, когда платной публики мало: антрепренеры нас любят, мы хлопаем усердно и кричим, вызывая актрис, пока не погасят всех огней. Летом уедешь к родителям. Так, только слышал, что рядом великолепный Сад нашего профессора, знаменитого Ботаника.

– Потому и знаменитый, что черту душу продал, – сердито сказала Старуха. Студент рассмеялся весело.

– А все-таки, – сказал он, – мне страшно, что я никогда до сегодняшнего вечера не видал его дочери, хотя и слышал много об ее дивной красоте и о том, что многие знатные юноши Старого Города и из других мест, близких и дальних, добивались ее любви и надеялись, и обманывались, а иные даже и умирали, не стерпев ее холодности.

– Она – коварная, – сказала Старуха. – Она знает цену своим чарам и показывается не всем. Нищему студенту трудно свести с нею знакомство. Отец обучил ее многому, чего и ученые не знают, но на ваши сходы она не ходит. Она больше с богатыми, от которых можно ждать многих подарков.

– Старая, сегодня я хорошо видел ее, и мне кажется, – возражал Юноша, – что девица с таким прекрасным лицом, с такими ясными глазами, с таким грациозными манерами и одетая так красиво не может быть коварною и корыстною и гнаться за подарками. Я твердо решил, что познакомлюсь с нею. Сегодня же пойду к Ботанику.

– Ботаник тебя и на порог не пустит, – говорила Старуха. – Его слуга о тебе и докладывать не пойдет, как увидит твою поношенную одежку.

– Что ему за дело до моей одежды! – с досадою сказал Юноша.

– Да вот разве если бы ты на крылатом змее приехал, – сказала Старуха, – так, пожалуй, пустили бы и на твои заплатки не поглядели бы.

Юноша засмеялся и воскликнул весело:

– Что ж, Старая, и крылатого змея оседлаю, коли иначе туда не попасть будет!

– Да уж от ваших забастовок добра не ждать, – ворчала старуха. – Учились бы смирно, и все было бы хорошо. И тебе бы не было никакой печали до этой хитрой Красавицы и до ее страшного Сада.

– Что страшного в ее Саду? – спросил Юноша. – А не бастовать нам никак нельзя было: наши права и права университета нарушены – неужели же мы смиренно подчинимся?

– Юноши должны учиться, – ворчала Старуха, – а не права разбирать. А ты, милый Юноша, прежде чем с Красавицей знакомиться, в ее Сад взглядишь хорошенько из окошка, завтра утром, при свете солнца, когда все видно ясно и верно. Ты увидишь, что в этом саду нет цветов, которые здесь всем знакомы, а цветов, какие там есть, никто у нас в Городе не знает. Подумай-ка об этом хорошенько – ведь это неспроста. Бес коварен – не его ли это создания на пагубу людям?

– Это – растения чужестранные, – сказал Юноша, – они привезены из жарких стран, где все иначе.

Но уже Старуха не хотела больше разговаривать. Она досадливо махнула рукою и, шаркая туфлями, сердито и неразборчиво бормоча неласковые слова, вышла из комнаты.

Первым побуждением Юноши было – подойти к окну, отдернуть желтое полотно занавески и опять смотреть в очаровательный сад и ждать. Но помешали: пришел Товарищ, шумный, нескладный молодой человек, и позвал Юношу идти в место, где они часто собирались, чтобы говорить много, спорить, шуметь и смеяться. По дороге Товарищ, смеясь, негодуя, размахивая руками больше, чем бы следовало, рассказал Юноше о том, что происходило сегодня утром в аудиториях и в университетских коридорах, как были сорваны все лекции, как были посрамлены противники забастовки, какие прекрасные слова говорили любимые, хорошие профессора и как смешно вели себя профессора нелюбимые и, значит, нехорошие. Юноша провел интересный вечер. Говорил волнуясь, как все. Слушал искренние, горячие речи. Смотрел на товарищей, лица которых выражали и беззаботную смелость молодости, и ее пламенное негодование. Видел девушек, милых, умных, скромных, и мечтал о том, что из их веселого круга изберет себе подругу. И почти забыл о Красавице в очаровательном Саду.

Вернулся домой поздно и заснул крепко.

II

Утром, когда он открыл глаза и когда взор его упал на желтое полотно занавески у окна, показалось ему, что ее желтизна окрашена багрянцем темного желания и что в

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб sologubfyodor.ru ней есть какая-то странная, жуткая напряженность. Казалось, что солнце настойчиво и страстно упирает жгучие, горькие лучи в пронизанное золотым светом полотно и зовет, и требует, и волнуется. И в ответ удивительной внешней напряженности золота и багрянца огненной живостью наполнились жилы Юноши, упругую силою налились мускулы, и сердце стало, как родник ярых пожаров. Пронизанный сладко миллионами живящих и горящих, и возбуждающих игол, вскошил он с постели и с ребяческим веселым хохотом, не одеваясь, принялся прыгать и плясать по комнате.

Привлеченная необычным шумом, заглянула в дверь Старая хозяйка. Покачала укоризненно головою и ворчливо сказала:

– Милый Юноша, пляшешь и радуешься, и всех беспокоишь, а чему рад, и сам не знаешь, и не ведаешь, кто стоит под твоим окошком и что она тебе готовит. Юноша смутился и стал тих и скромн, как раньше, что и согласно было с его характером, и соответствовало прекрасному воспитанию, полученному им дома. Он умылся старательнее обычного, оттого, может быть, что не надо было сегодня спешить на лекции, а может быть, и по иной причине, и с таким же тщанием оделся, причем долго чистил свою изрядно уже поношенную одежду: новой у него не было, так как родители его были не богаты и не могли присылать ему много денег. Потом подошел он к окну. Сердце его забилося тревожно, когда от отдернул желтое полотно занавески. Очаровательное зрелище открылось перед ним – хотя сегодня он сразу заметил, что есть что-то странное во всем виде этого обширного, превосходно расположенного Сада. Что именно его удивляло, еще он сразу не понял, и внимательно стал рассматривать Сад.

Что же было неприятного в его красоте? Отчего так больно замирало сердце Юноши? То ли, что все в очаровательном Саду было слишком правильно? Дорожки разбиты прямо, все одинаковой ширины и однообразно усыпаны ровным слоем желтого песка; растения посажены с тщательной порядливостью; деревья подрезаны в виде шаров, конусов и цилиндров; цветы подобраны по тону, так что сочетание их ласкало глаз, но почему-то ранило душу.

Но, рассуждая здраво, что же неприятного в том порядке, который свидетельствует, что кто-то неусыпно заботится о Саде? Нет, не в этом, конечно, была причина странного беспокойства, томившего Юношу. В чем-то другом, еще непонятном Юноше. Одно было несомненно, что этот Сад не был похож ни на один из тех садов, которые довелось на своем веку повидать Юноше. Он видел здесь цветки громадные и слишком яркой окраски – порою казалось, что разноцветные огни пылали среди буйной зелени, – бурые и черные стебли ползучих растений, толстые, как тропические змеи, листья странной формы и непомерной величины, зелень которых казалась неестественно яркою. Пряные и томные ароматы легкими волнами вливались в открытое окно, вздохи ванили и ладана, и горького миндаля, сладкие и горькие, торжественные и печальные, как ликующая погребальная мистерия.

Юноша чувствовал на своем лице нежные, но бодрящие прикосновения легкого ветра. В саду же, казалось, ветер не имел силы и в изнеможении улегся на спокойно-зеленой траве и в тени под кустами странных насаждений. И оттого, что деревья и травы странного Сада были бездыханно тихи и не слышали тихо вьющего над ними ветра, и ничем не отвечали ему, она казались неживыми. А потому лживыми, злыми, враждебными человеку.

Впрочем, одно из растений шевелилось. Но, взглядевшись, Юноша засмеялся. То, что он принял за безлистый ствол странного растения, был человек небольшого роста, тощий, в черной одежде. Он стоял перед кустом с ярко-пурпурными цветами, потом медленно пошел по дорожке, опираясь на толстую палку и приближаясь к тому окну, из которого глядел Юноша. Не столько по лицу, которое, будучи прикрыто широкими полями черной шляпы, только отчасти было видно сверху, сколько по манерам и походке Юноша узнал Ботаника. Не желая показаться нескромным, Юноша немного отодвинулся от окна в глубину комнаты. Но вдруг увидел он, что навстречу Ботанику шла Красавица, его юная дочь.

Ее нагие руки были подняты к сложенным на голове черным косам, потому что в это время она вкалывала в волосы ярко-пунцовый цветок. Ее легкая, короткая туника была застегнута на плече золотою пряжкой. Ноги ее, покрытые легким потемневшим загаром, до колен открытые, были стройны, как ноги воскресшей богини. Сердце Юноши забилося, он забыл всякую осторожность и скромность, опять бросился к окну и жадно глядел на милое видение. Красавица кинула в его сторону быстрый, пламенный взгляд, – и синие из-под черных ровных бровей сверкнули очи, – и улыбнулась нежно и лукаво.

Если бывают люди счастливы, если светит им порою безумное солнце радости, сладким кружением восторга унося в запредельные страны, – то где слова, чтобы сказать об этом? И если есть на свете красота для очарований, то как описать ее? Но вот остановилась Красавица, пристально посмотрела на Юношу и засмеялась радостно и весело – в несказанном кружении восторга забыл Юноша о всем, что есть

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб so1ogubfyodor.ru
на свете, стремительно наклонился из окна и закричал голосом, звонким от волнения:

– Милая! Прекрасная! Божественная! Приди ко мне! Люби меня!

Красавица подошла близко, и Юноша услышал тихо звенящий, ясный голос, каждый звук которого сладкою мукою ранил его сердце:

– Милый Юноша, знаешь ли ты цену моей любви?

– Хотя бы ценою жизни! – восклицал Юноша. – Хотя бы у темных ворот Смерти!

Зарю пылающей и смеющейся стояла Красавица перед Юношей и простирала к нему стройные, обнаженные руки. И говорила, и веял от ее слов аромат обольстительный, томный, как вздохи нежной туберозы.

– О, милый Юноша, мудрый и страстный, ты знаешь, ты видишь, ты дождешься. Многие любили меня, многие жаждали обладать мною, прекрасные, юные, сильные, многим улыбалась я улыбкою обаятельною, как улыбка последней утешительницы, но никогда никому до тебя не говорила я сладких и страшных слов: люблю тебя. Теперь хочу и жду.

Страстью и желанием звенел ее голос. Она отвязала от пояса шелковый черный шнурок с бронзовым на нем ключем и уже взмахнула рукою, чтобы бросить ключ Юноше, но не успела. Отец уже спешил к ней, заметив еще издали, что она заговорила с неизвестным Юношей. Он грубо схватил ее за руку, отнял от нее ключ и закричал хриплым, старческим голосом, противным как тяжелое карканье старого ворона на кладбище:

– Безумная, что ты хочешь сделать? Не о чем тебе с ним говорить. Этот Юноша не из рода тех, для кого взрастили мы наш Сад, смешав соки этих растений с ядовитую смолу Анчара. Не для таких, как этот голяк, погиб наш предок, надыхавшись тлетворным ароматом страшной смолы. Иди, иди домой и не смей говорить с ним. Старик повлек дочь к дому, видившемуся в глубине Сада. Он крепко сжимал ее руки, обе захватив одною своею рукою. Красавица покорно шла за отцом и смеялась. И был смех ее ясен, звонок и жалил тысячами острых жал пламенеющее сердце Юноши. Он еще стоял у окна, долго всматривался напряженными глазами в расчисленные и расчищенные дали очарованного Сада. Но уже Красавица больше не показывалась. Все тихо и недвижно было в дивном Саду, и бездыханными казались чудовищно яркие цветы, и от них доходил до Юноши аромат, кружащий голову, жутким томлением сжимающий сердце, аромат, напоминающий темные, стремительные, жадные вздохи ванили, цикламена, датуры и тубероз, злых несчастных цветов, умирающих, умерщвляя, чарующих смертною тайною.

III

Юноша твердо решил проникнуть в дивный Сад, надыхаться таинственными ароматами, которыми дышит Красавица, и добиться ее любви, хотя бы ценою за нее была жизнь, хотя бы путем к ней был путь смертный, путь безвозвратный. Но кто бы помог ему проникнуть в дом старого Ботаника?

Юноша ушел из дому. Долго ходил он по Городу и всех, кого знал, расспрашивал о Красавице, дочери Ботаника. Одни не могли, другие не хотели ввести его в дом старого Ботаника, и о Красавице все говорили недоброжелательно.

Товарищ сказал ему:

– Все молодые Оптиматы Города влюбляются в нее и хвалят ее изысканную и утонченную красоту. Нам же, Пролетариям, ее красота ненавистна и не нужна; ее мертвая улыбка нас раздражает, и безумие, затаившееся в синеве ее глаз, нам противно.

Девушка, вторя ему, говорила:

– Ее красота, о которой говорят так много праздные и богатые юноши, вовсе даже не красота, на наш взгляд. Это мертвая красота разложения и упадка. Я думаю даже, что она румянится и белится. От нее пахнет, как от ядовитого цветка; даже дыхание у нее ароматно, и это противно.

Популярный Профессор говорил:

– Коллега Ботаник – знаменитый и ученый человек, но он не хочет подчинять свою науку высоким интересам гуманности. Его дочь, говорят, очаровательна; некоторые говорят об оригинальности ее костюмов и манер; впрочем, я не имел случая беседовать с нею более или менее обстоятельно; притом же в нашем кругу ее редко можно встретить. Думаю, однако, что ее очарования заключают в себе нечто вредное для здоровья, – до меня дошли странные слухи, за достоверность которых, конечно, я не ручаюсь, слухи о том, что процент смертности среди посещающих этот дом молодых аристократов выше среднего.

Аббат, с тонкою улыбкою на бритом бледном лице, сказал:

– Когда Красавица приходит ко мне в церковь, она молится слишком усердно. Можно подумать, что она замаливает тяжелые грехи. Но я надеюсь, что нам не доведется увидеть ее стоящей на паперти в шерстяной сорочке кающейся грешницы.

Мать, выславши из комнаты дочерей, сказала:

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб so1ogubfyodor.ru

– Я не понимаю, что в ней находят привлекательного. На нее разоряются, она кокетничает, разбивает сердца юношей, отнимет женихов от невест, а сама никого не любит. Я не позволю моим милым дочкам, Миночке, Линочке, Диночке, Ниночке, Риночке, Тиночке и Зиночке, вести с нею знакомство. Они у меня такие скромные, милые, любезные, веселые, приветливые, прилежные, такие хозяйки, такие рукодельницы. И как мне ни жаль расставаться с ними, но, так и быть, старшенькую я выдала бы замуж за такого скромного юношу, как вы. Юноша ушел поспешно. Семь сестриц улыбались ему из окна, теснясь одна за другую. Это было зрелище милое и приятное, но сердце Юноши полно было сладкими, жуткими мечтами о Красавице.

IV

Старый Ботаник привел свою дочь в дом. Его гнев смягчился, и хотя он до самого порога не выпускал из своей руки с большими костлявыми пальцами сложенных вместе тонких рук весело улыбающейся Красавицы, но уже он не жал их так больно и не толкал ее так грубо. Его лицо было печально. Он выпустил руки своей дочери, и она сама послушно вошла за ним в его кабинет – огромную, мрачную комнату, стены которой были загромождены полками с множеством книг, громадных, запыленных. Ботаник сел в обитое темную кожей кресло у своего тяжелого дубового стола. Он казался усталым. Прикрыл глаза, еще юношески блестящие, пергаментно-желтою, дрожащею рукою и укоризненно смотрел из-под руки на дочь. Красавица стала на колени у его ног и смотрела снизу в лицо старого Ботаника, и улыбалась нежно и покорно. Она стояла прямо, с опущенными руками, и в позе ее была смиренная покорность, и в улыбке обольстительных уст было нежное упрямство. Лицо ее казалось побледневшим, и казалось, что на губах ее зыбко пламенеет безумие смеха и что в синеве ее глаз затаилось безумие тоски. Молчала и ждала, что скажет отец.

И он сказал медленно, словно с трудом находя слова.

– Милая, что же я слышал? Не ждал я от тебя этого. Зачем ты это сделала?

Красавица склонила голову и тихо сказала:

– Отец, рано или поздно это же должно совершиться.

– Рано или поздно? – спросил отец как бы с удивлением. И продолжал: – Так пусть это лучше совершится поздно, чем рано.

– Я пламенею, – тихо сказала Красавица.

И улыбка на ее устах была как отблеск знойного пылания, и в глазах ее затаились синие молнии, и ее обнаженные плечи и руки были, как тонкий алебастровый сосуд, наполненный расплавленным металлом. Порывисто дышала высокая грудь, и две белые волны рвались из тесных объятий ее платья, нежный цвет которого напоминал желтоватую розовость персика. Из-под складок недлинной одежды были видны трепетно лежащие на темно-зеленом бархате ковра стройные ноги.

Отец тихо покачал головою и сказал печально и строго:

– Ты, милая дочь, столь опытная и столь искусная в дивном умении чаровать, оставаясь непорочною, должна знать, что еще рано тебе отходить от меня и бросать недовершенный мой замысел.

– Но ведь этому не будет конца? – возразила Красавица. – Они приходят вновь и вновь.

– Никто не знает, – сказал Ботаник, – будет ли этому конец и увидим ли мы завершение нашего замысла или передадим его иным поколениям. Но мы сделаем, что можем. Вспомни, что сейчас должен прийти к тебе молодой Граф. Ты поцелуешь его и дашь ему отравленный цветок по его выбору. И он уйдет, полный сладких надежд и трепетных ожиданий, и опять совершится и над ним неизбежное.

Выражение покорности и скуки легло на лицо Красавицы. И отец сказал ей:

– Иди.

Наклонился, поцеловал ее в лоб. Красавица прильнула знойно-алыми губами к его морщинистой, желтой руке, прижалась к его сухим коленям белою, полуобнаженной грудью, вздохнула и встала. И вздох ее был, как свирельный стон.

V

Через полчаса Красавица, нежно улыбаясь, говорила молодому, красивому, надменному Графу, стоя перед ним в той же одежде среди Сада, у круглой клумбы с яркими, громадными цветами, от которых исходил одуряющий аромат:

– Милый Граф, вы хотите очень многого. Желания ваши слишком пылки и слишком нетерпеливы.

Улыбка ее была нежна и лукава, и непорочно-ясные взоры ее с ласковым любованием скользили по стройной фигуре молодого Графа и его богатому наряду, шитому модно и красиво из самых дорогих тканей и украшенному золотом и самоцветными камнями.

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб so1ogubfyodor.ru

– Милая очаровательница, – говорил Граф, – я знаю, что ты была холодна ко многим, искавшим твоей благосклонности. Но ко мне ты будешь более ласкова. Я сумею добиться твоей любви. Клянусь честью, я заставлю потемнеть от страсти холодную синеву твоих глаз.

– Чем же вы, Граф, стяжаете мою любовь? – спросила Красавица.

Непроницаемо было выражение ее прекрасного лица, и ее голос не обличал того волнения, которое так легко овладевает девами, когда они слышат знойный голос внушенной ими страсти. Но самоуверенный, надменный Граф не смутился. Он говорил:

– От предков моих досталось мне немало сокровищ, и я сам золотом и отвагою приумножил их. Много у меня драгоценных камней, перстней, ожерелий, запястий, восточных тканей и ароматов, арабских коней, шелковых и атласных одежд, редкого оружия и другого много, чего и перечислить скоро не сумею, чего даже и не сразу и вспомню. Вся я рассыплю у твоих ног, очаровательница: рубинами оплачу я твои улыбки, жемчугами твои слезы, золотом твои ароматные вздохи, алмазами твои поцелуи и ударом верного кинжала твою лукавую измену.

Красавица засмеялась. Сказала:

– Еще я не ваша, а уже вы боитесь моей измены и угрожаете мне. Ведь я могу и рассердиться на это.

Граф порывисто склонил перед Красавицей колени и осыпал поцелуями ее руки, гибкие и стройные, от нежной кожи которых подымалось легкое, жуткое благоухание.

– Прости моему безумию, очаровательная Красавица, – молил он, вдруг забывши свою надменность, – любовь к тебе лишает меня покоя и подсказывает мне дикие поступки и странные слова. Но что же мне делать! Я люблю тебя больше, чем мою душу, и за обладание тобою готов заплатить не только моими сокровищами, не только моей жизнью, но и тем, что дороже мне жизни и спасения души, – моей честью!

Красавица сказала очаровательно-ласково:

– Ваши слова тронули меня, милый Граф. Встаньте. Я не возьму с вас непомерной платы за мою любовь – она не покупается и не продается. Но кто любит, тот должен уметь и подождать. Истинная любовь всегда найдет путь к сердцу возлюбленной. Граф поднялся. Изысканным жестом он оправил кружевные манжеты своего атласного зеленого кафтана и устремил на Красавицу долгий, восторженный взор. Глаза их встретились, и непроницаемо по-прежнему было выражение непорочно-светлых глаз Красавицы.

Охваченный смутною тревогою, которая в минуты смертной опасности охватывает даже надменных и самоуверенных, Граф отошел от Красавицы. На скамье недалеко лежал красиво изукрашенный резьбою дубовый ларец. Граф открыл его и с почтительным поклоном поднес Красавице. Солнечные лучи веселым смехом задрожали на бриллиантах и рубинах диадемы. Казалось надменному Графу, что сияние и смех падают на многоценные камни от рдеющих уст Красавицы. Но улыбка ее была такая же, как и раньше, и она любовалась подарком, как малоценным, хотя и приятным знаком внимания. Потом на миг опечалилась легко, отуманилась и сказала:

– Мои предки были рабами, а вы дарите мне диадему, от которой не отказалась бы и царица.

– Очаровательница! – воскликнул Граф. – Ты достойна и еще более блистающей диадемы.

Красавица улыбнулась ему приветливо, и опять опечалилась легко, отуманилась, и говорила тихо:

– Доля моих предков – горячие капли крови под бичами жестоких, а мне – торжественные рубины увенчанной радости.

И совсем тихо шепнула:

– Но не забуду.

– Что же вспоминать о давно минувшем! – воскликнул Граф. – Радостны дни светлой юности, а печаль воспоминаний оставим старости.

Красавица засмеялась, отгоняя смехом грусть, мгновенную, как тучка, тающая на летнем солнце. Сказала Графу:

– За ваш прекрасный подарок, милый Граф, я дам вам сегодня один цветок по вашему выбору и один поцелуй. Только один.

Молодой Граф пришел в такой восторг и выражал его так стремительно и шумно, что Красавица повторила нежно и строго:

– Только один, не более.

И спросила Графа:

– Какой цветок хотите вы, милый Граф, получить от меня?

Граф ответил:

– Прекрасная обольстительница, что ты мне ни дашь, за вся я буду тебе несказанно благодарен.

Улыбаясь, говорила Красавица:

– Все цветы, которые вы здесь видите, милый Граф, привезены издалека. Они собраны с большим трудом и даже с опасностями. Прилежным уходом мой отец улучшил

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб sologubfyodor.ru
их форму, и окраску, и аромат. Долго изучал он их свойства, пересаживал их, скрещивал, прививал и, наконец, достиг того, что из бедных, диких, некрасивых полевых и лесных цветочков образовались эти очаровательные, благоуханные цветы. – И самый очаровательный цветок – ты, милая Красавица! – воскликнул Граф. – Аромат их многие находят слишком крепким и одуряющим. И я замечаю, что вы, милый Граф, бледнеете, – мы с вами слишком долго пробыли среди этих знойных ароматов. Я-то привыкла, я с детства надышалась ими, и сама кровь моя пропитана их сладкими испарениями. А вам не следует слишком долго стоять здесь. Выбирайте скорее, какой цветок вы хотите взять от меня. Но молодой Граф настаивал, чтобы Красавица сама выбрала ему цветок, – он ждал с нетерпением ее второго подарка, обещанного поцелуя, – первого ее поцелуя. Красавица посмотрела на цветы. Лицо ее омрачилось опять легкой тенью печали. Вдруг быстро, словно движимая чужою волею, она протянула руку, столь прекрасную в ее обнаженной стройности, и сорвала белый махровый цветок. Замедлила руку, склонила голову и, наконец, с выражением застенчивой нерешительности приблизилась к Графу и вложила цветок в петлицу его кафтана. Аромат, сильный и резкий, пахнул в побледневшее лицо молодого Графа, и в томном бессилии закружилась его голова. Равнодушие и усталость овладели им. Едва помнил себя, едва чувствовал, как взяла его Красавица под руку и увела в дом от ароматов дивного Сада. В одной из комнат дома, где все было светло, бело и розово, Граф очнулся. Юношеская свежесть вернулась на его лицо, черные глаза его зажглись опять страстью, и он снова почувствовал радость жизни и буйство желаний. Но уже подстерегало его неизбежное. Рука, нагая, стройная, легла на его шею, а ароматный поцелуй Красавицы был нежен, сладок, долог. Две синие молнии ее глаз блеснули близко перед его глазами и призакрылись тихой тайною длинных ресниц. Жуткие огни сладкой боли вихрем закружились вокруг сердца молодого Графа. Он поднял руки обнять Красавицу, – но с легким криком она отшатнулась и, легкая, тихая, убежала, оставив его одного. Граф бросился за нею. Но в дверях розовой горницы встретил его старый Ботаник. Язвительна была улыбка тонких губ, алою чертою разрезавших пергаментно-желтое лицо. Граф смутился. С несвойственным ему замешательством, чувствуя во всем теле странную слабость, простился он со старым Ботаником и ушел. Жуткие вихри сладкой боли все быстрее кружились вокруг сердца молодого Графа, когда он ехал домой верхом на вороном арабском скакуне, еле слыша звонкий стук подков о камни. Все бледнее становилось его лицо. Вдруг глаза его сомкнулись, рука опустила поводья, и он тяжело склонился, падая с седла. Испуганный конь взвился на дыбы, сбросил седока и помчался. Графа подняли уже мертвым, с разбитою о камни головой. И не знали, отчего умер. Дивились – такой был искусный наездник.

VI

Настала ночь. Сладко и тревожно светила полная луна, ворожа и чаруя лучами холодными, могильно-тихими. Смутным страхом полно было сердце Юноши, когда он подошел к своему окну. Руки его, захватив край желтой занавески, долго медлили и колебались, прежде чем он решился не спеша отвести в сторону занавеску. Медленно свиваясь, шуршало желтое полотно, и шелест его сходен был со змеиным еле слышным свистом в лесной заросли; и тихо звенели и скрежетали о медный прут медные легкие кольца.

Красавица стояла под окном и смотрела на окно, и ждала. И сердце Юноши дрогнуло, и не мог он понять, страхом или восторгом томилось его сердце.

Черные косы Красавицы были распущены и падали на ее нагие плечи. Резкая тень лежала на земле у ее необутых ног. Освещенная сбоку луною, стояла Красавица, подобная резкому отчетливому видению. Складки белой туники были строги и темны. Темна была синева глаз Красавицы, загадочна была ее неподвижная улыбка. На странной успокоенности ее тела и ее одежды тускло поблескивала гладкая матовая пряжка, застегнутая на плече.

Красавица заговорила тихо, и амброю, мускусом и туберозою благоухали ее слова, звенящие, как тонкие серебряные цепи у зажженного кадила.

– Милый Юноша, я люблю тебя. Повинуясь твоему призыву, я нарушила волю моего отца и пришла к тебе, чтобы сказать: бойся меня и моих чар, беги от этого Старого Города далеко, а меня оставь моей темной судьбе, меня, упоенную злым дыханием Анчара.

– О, прекрасная! – отвечал ей Юноша. – Ты, которую я едва узнал и которая уже для меня дороже моей жизни и моей души, – зачем говоришь ты мне эти жестокие

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб so1ogubfyodor.ru
слова? Или ты не веришь моей любви, которая зажглась внезапно, но уже не погаснет?

– Я люблю тебя, – повторила Красавица, – и не хочу тебя погубить. Дыхание мое напитано ядом, и прекрасный Сад мой отравлен. Тебе первому я говорю это, потому что я люблю тебя. Торопись же оставить этот Город, беги от этого Сада с его тлетворною красотой, беги далеко и забудь обо мне.

Упоенный восторгом и печалью, сладчайшею всех земных радостей, юноша воскликнул: – Возлюбленная моя! Что же мне от тебя надо? Не одного ли мгновения жаждет моя душа! Сгореть в блаженном пламени восторга и любви и у сладчайших ног твоих умереть!

Легкий трепет пробежал по телу Красавицы, и вся она стала как ясная радость зари за белым туманом. Торжественным, широким движением подняла она свои нагие руки, и вся стремилась к юноше, и говорила:

– О, возлюбленный мой! Так будет, как ты хочешь, и с тобою умереть мне сладко. Иди же ко мне, в мой страшный Сад, и я расскажу тебе мою темную повесть.

Опять как утром, в руке ее блеснул бронзовый ключ на розовой ленте. Засмеялась, – резво, как мальчик, отбежала назад, мелькая на смутно-желтом песке дорожки смутною белизною стройных ног, – размахнулась быстро и ловки – и метнула ключ в окно. Юноша протянул руки и на лету схватил ключ.

VII

Там, в отравленном Саду, под сенью таинственных растений, где неживая луна смешивала отраву своей тоски с ядовитым дыханием земных злых цветов, стояли они, юноша и Красавица, упоенные восторгом и печалью. Они глядели в глаза друг другу, и Красавица голосом, звенящим, как хрупкий голос клавесина, говорила:

– Мои предки были рабами – но и рабы жаждут свободы. Повинуясь повелению господина, один из моих предков совершил утомительно долгий путь, чтобы достигнуть пустыни, где растет Анчар. Он собрал ядовитую смолу Анчара и принес ее господину. Отравленные стрелы доставили господину немало побед. А мой предок, надыхавшийся злых благоуханий, умер. Его вдова задумала отомстить злему роду победителей. Она воровала отравленные стрелы, мочила их в воде и, многоценное вино, прятала эти настои в глубоких подвалах. Каплю настоя вливала она в бочку воды и эту воду поливала пустырь на краю Старого Города, где теперь наш дом и этот Сад. Потом брала каплю воды со дна этой бочки, вмешивала ее в хлеб и кормила им своего сына. И стала почва этого Сада отравленной, и сыну своему привила она яд. И с того времени весь род наш, из поколения в поколение, питался ядом. И ныне в жилах наших течет пламенеющая ядом кровь, и дыхание наше ароматно, но пагубно, и кто целует нас, тот умирает. И не слабеет сила нашего яда, пока живем мы в этом отравленном Саду, пока мы дышим ароматами этих чудовищных цветов. Семена их привезены издалека, – мой дед и мой отец были везде, где можно достать злые и вредные людям растения, – и здесь, в этой издавна отравленной почве, эти злые, эти пагубные цветы раскрыли всю свою гневную силу. Благоухая так сладко, так радостно, они, коварные, и росу, падающую с неба, претворяют в гибельную отраву.

Так говорила Красавица, и радостно звенел ее голос, и лицо ее пылало великим ликованием. Кончила рассказ и засмеялась тихо и невесело. Юноша склонился перед нею и молча целовал ее руки, вдыхая томительное благоухание мирры, алоэ и мускуса, веявшее от ее тела и от ее тонкой одежды. Красавица заговорила опять:

– Приходят ко мне потомки угнетателей, потому что чарует их моя злая, моя отравленная красота. Я улыбаюсь им, обреченным смерти, и каждого из них мне жаль, а иных я почти любила, но не отдавалась никогда никому. Только одним поцелуем дарю я каждого – поцелуи мои были невинны, как поцелуй нежной сестры. И тот, кого я целовала, умирал.

Ужасом и восторгом, одновременно двумя столь несходными страстями томилась душа смущенного юноши. Но любовь, побеждающая все, преодолевающая даже и томления предсмертной тоски, победила и ныне. Восторженно простирая к нежной и страшной Красавице трепетные руки, воскликнул юноша:

– Если в поцелуе твоём смерть, о, возлюбленная, дай мне упиться неисчислимостью смертей! Прильни ко мне, целуй меня, люби меня, обвей меня сладостным ароматом твоего отравленного дыхания, смерть за смертью вливай в мое тело и в мою душу, пока не разрушишь все, что было мною!

– Хочешь! Не бойсья! – воскликнула Красавица.

Бледное в лучах неживой луны лицо Красавицы стало как матовый светоч, и были трепетны и сини молнии ее печальных и радостных глаз. Движением доверчивым, нежным, страстным она прильнула к юноше, и ее нагие руки обвились вокруг его шеи.

– Мы умрем вместе! – шептала она. – Мы умрем вместе. Весь яд моего сердца

Отравленный сад (рассказ). Федор Сологуб sologubfyodor.ru
пламенеет, и огненные струи стремятся по моим жилам, и я вся как объятый великим
пламенем костер.

– Я пламенею! – шептал Юноша. – Я сгораю в твоих объятиях, и мы с тобою – два
пламенные костра, пылающие великим восторгом отравленной любви.

Тускнела и падала печальная неживая луна – и черная ночь пришла и стала на
страже. Тайну любви и поцелуев, ароматных и отравленных, осенила она мраком и
тишиною. И слушала согласный стук двух замирающих сердец, и в чутком молчании
сторожила последние, легкие вздохи.

Так, в отравленном Саду, надыхавшись ароматами, которыми дышала Красавица, и
упившись сладкою ее любовью, жалящею нежно и стремительно, умер прекрасный Юноша
– и на груди его умерла Красавица, сладким очарованием ночи и любви предав свою
отравленную, но благоухающую душу.

Печатается по изд.: Сологуб Ф. Собр. соч.: в 14 т. – Т. 11. – СПб.: Сирин, 1914,
стр. 175 – 200.

Впервые напечатан в журнале «Бодрое слово», 1908, № 1, октябрь, затем в сборнике
рассказов «Книга очарований». Тема заимствована из рассказа Натаниэля Готторна
«Ядовитая красота» и из стихотворения А. С. Пушкина «Анчар».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!